

DOI 10.37386/2305-4077-2021-4-99-107

Т. С. Карпачева¹*Московский городской педагогический университет*

ПРИЖИВАЛЬЩИКИ И МИРОВОЕ ЗЛО В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

В статье рассматривается проблема теодицеи, поставленная в романе Иваном Карамазовым. Соседи-приживальщики, побоявшиеся воспротивиться генералу и попустившие совершиться злодеянию, соотносятся с чертом, которого автор также несколько раз называет «приживальщиком».

Ключевые слова: теодицея, Достоевский, Братья Карамазовы, Иван Карамазов, приживальщики.

T. S. Karpacheva*Moscow City University*

THE HANGERS-ON AND THE WORLD'S EVIL IN THE NOVEL BY F. M. DOSTOEVSKY «THE BROTHERS KARAMAZOV»

The article deals with the problem of theodicy posed in the novel by Ivan Karamazov. Neighbors-hangers-on, who were afraid to resist the general and allowed the crime to be committed, correlate with the portrait of the devil, whom the author also calls “hangers-on” several times.

Keywords: theodicy, Dostoevsky, the Brothers Karamazov, Ivan Karamazov, the hangers-on.

Вопрос теодицеи («оправдания Бога»), поставленный в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», является, пожалуй, одним из самых сложных не только в творчестве писателя, но и вообще в истории философской мысли.

К проблеме соотношения бытия Бога, Бога как абсолютного блага и существующего в мире зла обращались величайшие умы человечества разных веков: Ориген (II в.), свт. Григорий Нисский (IV в.), блж. Августин (IV–V в.), Г. В. Лейбниц (XVII в.), И. Кант. Среди русских философов эту тему осмысливали Н. А. Бердяев, Е. Н. Трубецкой, Н. О. Лосский, прот. С. Н. Булгаков и др. Ф. М. Достоевский в своем последнем романе заставляет задумываться над этим вопросом Ивана Карамазова. Прот. С. Н. Булгаков в своей лекции «Иван Карамазов как философский тип (в романе Достоевского “Братья Карамазовы”» подчеркнул, что «образ этот возносит нас на такую головокружительную высоту, на которую философская мысль поднималась в лице только самых отважных своих служителей», и именно в Иване отметил отражение исканий русской интеллигенции: «Из всей галереи типов этого романа этот образ нам, русской интеллигенции, самый близкий, самый родной; мы сами болееем его страданиями, нам понятны его запросы» [Булгаков, 1902].

¹ Татьяна Сергеевна Карпачева – канд. филол. наук, доцент кафедры русской литературы МГПУ (Москва), KarpachevaTS@mgpu.ru

«Бунт» Ивана, не могущего примириться со страданиями детей, «страданиями неотмщенными», и есть попытка найти решение вопросов: как Бог попускает страдания невинных? для чего нужны эти страдания? можно ли / нужно ли простить того, кто причинил эти страдания? и если не Бог, то кто в ответе за «неотмщенные страдания»?

Н. О. Лосский в своей знаменитой книге «Бог и мировое зло» ответ на вопрос: «как мог всемогущий и всеблагий Бог сотворить наш мир, столь глубоко пронизанный всевозможными видами зла» [Лосский, 1994, с. 110–111] и кто, если не Бог, «виновник зла» – находит в творчестве Достоевского, но, правда, не в «Братьях Карамазовых», а в его статье из «Дневника писателя», посвященной памяти Жорж Санд: «Достоевский утверждает, что одна из основных идей христианства есть «признание человеческой личности и свободы ее, а стало быть, и ее ответственности. Отсюда и признание долга, и строгие нравственные запросы на это, и совершенное признание ответственности человеческой»» [Лосский, 1994, с. 111]. Из положения о свободе и ответственности Лосский делает вывод, что, коль скоро «человек – существо свободное», то «ничто не вынуждает его совершать дурные поступки; если человек отклоняется от пути добра и вступает на путь зла, он страдает и не имеет права сваливать вину на других, на среду или на Бога, будто бы плохо сотворившего мир» [Лосский, 1994, с. 111]. Ответа, впрочем, на вопрос Ивана философ не дает, а лишь критикует его за гордость и «недоверие» к Богу: «Ум Ивана не может решить, как совместимо бытие Бога с существованием зла в мире, а совесть не может успокоиться на отрицательном решении вопроса. Он остается на полпути между атеизмом и признанием бытия Бога <...> он горделиво критикует строение мира и, как бы укоряя Бога за то, что в мире есть возмутительное зло, “почтительнейше” возвращает “Ему билет”, вступает на путь “бунта” против Бога. <...> Недоверие к Богу, к Церкви и к осуществимости абсолютного добра сочетается у Ивана Федоровича с любовью к добру, к культуре, к природе и с могучею жадной жизни» [Лосский, 1994, с. 154]. По-другому смотрит на Ивана св. прп. Иустин Попович. Сербский ученый, причисленный в настоящее время к лику святых, хоть и называет Ивана «антигероем», но далек от осуждения его: «Иваново неприятие мира имеет главной причиной своей страдания человечества вообще и страдания детей в частности. <...> Нет сомнения, Иван прав. Невыносимо ужасная история человечества подтверждает это. Человек сознательно, рационально, по своей воле суров и зол; в этом его печальное преимущество над зверьями. <...> Ни один зверь не может чувствовать наслаждение в таких гадостях и артистических злодеяниях, в каких наслаждается человек» [Попович, 2008, с. 42–44].

Сам Достоевский в письме К. П. Победоносцеву, как известно, утверждал, что «косвенным» ответом на Ивановы вопросы будет книга «Русский инок», только сомневался, «будет ли она **достаточным** ответом» (курсив Достоевского. – Т.К.) (т. 30/1, с. 122). О том, что вопрос Ивана о детских страданиях искренен, и это не атеистический «вызов», «софистика» праздного ума и далеко не только желание «испытать» Алешу («Ты мне дорог, я тебя упустить не хочу и не уступлю твоему Зосиме», т. 14, с. 222), говорит, в первую очередь, авторская характеристика героя:

«Иван Федорович глубок, это не современные атеисты, доказывающие в своем неверии лишь узость своего мировоззрения и тупость тупеньких своих способностей» (т. 27, с. 48). Да и вряд ли читатель усомнится в искренности Ивана, восклицающего: «О, Алеша! Я не богохульствую! <...> я простить хочу и обнять хочу, я не хочу, чтобы страдали больше» (выделено нами. –Т.К.) (т. 14, с. 223). Подчеркивает искренность героя, не сомневаясь в глубине его страдания и св. прп. Иустин Попович: «Иван безумно мучится страданиями мучимых детей» [Попович, 2008, с. 43]; «Иван в испуге от боли...» (курсив наш. – Т.К.) [Попович, 2008, с. 44].

Поэтому вопросы, поставленные Иваном, требуют серьезного осмысления, и характеристика самого героя («не верит в Бога», «гордый», «эгоист» и т.д.) не заменяет ответов на них. Тем не менее среди современных исследователей наблюдается определенная тенденция при обращении к поставленному в романе глобальному философскому вопросу теодицеи переходить на личность самого героя: «Иван, видя страдания невинных детей, решил восстать на Бога и возратить Ему билет, а мог бы увидеть свою вину (? – Т.К.) и принести плоды достойные покаяния» [Переверзев, 2007, с. 178].

Буквальное перенесение слов старца Зосимы «все за всех виноваты» непосредственно на вопрошающего вовсе не несет ответа на вопрос Ивана, а лишь мистифицирует и затуманивает смысл произведения. Читатель должен «поверить», что каким-то образом «греховность» Ивана связана с теми страшными историями, которые произошли без всякого его участия, а история с мальчиком, затравленным псами, – так вообще до его рождения. Что изменится в поведении тирана, если третье лицо (в данном случае Иван) принесет «плоды покаяния»? Конечно, «плоды покаяния» каждого человека уменьшают зло, совершающееся в мире, но не низводят его окончательно. А Иван говорит о реальном бытии, о том мире, в котором зло и насилие реально существуют.

Вообще, традиция мистификации текстов Достоевского имеет долгую историю. Так, М. И. Туган-Барановский прямо утверждает, что идея вины «всех за всех», выраженная старцем Зосимой, – это вина *мистическая*: «Проблема мирового зла есть самая трудная проблема религиозного сознания – точнее говоря, неразрешимая проблема для нашего “эвклидова” ума. Преодолевается она у Достоевского *мистической* (курсив наш. – Т.К.) идеей вины каждого за всех» [Туган-Барановский, 1990, с. 140–141]. Современные исследователи не конкретизируют эту идею невыраженной, «мистической», вины и тоже обращают ее к самому Ивану: «В ситуации духовного неблагополучия нельзя быть простым “Очевидцем” (как подписывался в газетах Иван Карамазов <...> Нужно не принимать страданий детей, а понять, что именно ты в них виноват» [Казаков, 2007, с. 186]. Слова, конечно, красивые и даже, может быть, правильные, но применительно к приведенным точкам зрения коллег возникают закономерные вопросы: а) почему именно Иван (а не кто-то другой, кто реально причастен) «виноват» в страданиях тех детей, истории которых он рассказывает в главе «Бунт»; б) если именно Иван поймет, осознает свою непостижимую «эвклидовым умом» вину за страдания детей, принесет «плоды покаяния», то насилие «чудесным образом» прекратится?

Еще более оригинальную интерпретацию идеи виновности «всех за вся» применительно к вопросу о детских страданиях, поставленному Иваном, предлагает Т. А. Касаткина. По ее мнению, «человечество не метафизически, а физически одно тело и одна душа (??? – Т.К.) – неслиянно и нераздельно» [Касаткина, 1996, с. 300]. И поэтому мучитель и жертва, как утверждает исследователь, суть одно, мучитель не истязает жертву, а занимается «самоистязанием», а то «сладострастие», которое он испытывает, «свидетельствует о неразрывной связи, существующей между людьми» [Касаткина, 1996, с. 301]. Напрашивается сам собою вопрос: будет ли для жертвы такая теория утешительной?

М. М. Дунаев, признавая важное и, можно даже сказать, сюжетообразующее значение монолога Ивана о детских страданиях: «И все же никуда ведь не спрятаться от вопроса, который опровергнуть не представляется возможным: вопроса о страданиях невинных детей» [Дунаев, 2002, с. 653], все же «прячет» ответ на него за рассуждениями о неисповедимости путей Господних, о том, что нашим скудным, «эвклидовым», умом всю глубину и тайну Божьего мира постичь невозможно [Дунаев, 2002, с. 654–660]. Однако тогда придется признать бессилие гения Достоевского перед вопросом Ивана, с чем тоже мы вряд ли можем согласиться. М. М. Дунаев даже приводит, опять же на уровне туманных мистических рассуждений, некие доводы в пользу наличия в мире детских страданий: «Грех и боль каждого отзывается во всех. Ребенок, разумеется, не ответственен по закону времени, по закону же вечности (какой закон у вечности? – Т.К.) ответственность может распространяться и на него (и распространяется, поскольку он не может избежать страдания)» [Дунаев, 2002, с. 660]. Неожиданно для исследователя, придерживающегося православного мировоззрения и четко декларирующего осмысление русской классики в свете православной догматики, М. М. Дунаев апеллирует к В. В. Розанову, считавшему, что дети получают возмездие за «порочность отцов», которая «уже скрыта» в них [Дунаев, 2002, с. 660]. Такое понимание «родо-племенной» ответственности было осмыслено и опровергнуто еще в Ветхом Завете: «В те дни уже не будут говорить: “отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомины”, но каждый будет умирать за свое собственное беззаконие; кто будет есть кислый виноград, у того на зубах и оскомины будет» (Иер. 31: 29–30); «Отцы не должны быть наказываемы смертью за детей, и дети не должны быть наказываемы смертью за отцов; каждый должен быть наказываем смертью за свое преступление» (Втор. 24: 16). О личной (а не родо-племенной) ответственности в христианстве знает любой ученик детской воскресной школы, это положение в подтверждении не нуждается.

Некую трагическую неизбежность детских страданий в падшем мире отмечает Б. Чжан: «... детский мир тоже не рай, и дети страдают от грехопадения человека. Они, как и взрослые, вынуждены испытывать неизбежную духовную борьбу и только через страдание получать очищение» [Чжан, 2009, с. 236]. Вряд ли можно применить понятие «очищения» к тем жутким историям, которые рассказывает Иван, да и вряд ли автор имел это в виду. Но звучит все же достаточно жестоко или, по крайней мере, обреченно. Впрочем, исследователь приходит

к выводу о том, что «дети как часть человечества разделяют все судьбы павшего человечества и нуждаются в спасении во Христе, как и взрослые» [Чжан, 2009, с. 245]. С этой истиной нельзя не согласиться, но ответом на мучительный вопрос Ивана она также не является.

Однако если Достоевский вложил в уста именно этого героя такие трудноразрешимые вопросы, значит в том была его авторская воля. И Иван абсолютно убедителен в своем: *«Но вот, однако же, детки, и что я с ними стану тогда делать? Это вопрос, который я не могу решить <...> Я хочу остаться лучше со страданиями неотмыщенными. Лучше уж я останусь при неотмыщенном страдании моем и неотмыщенном негодовании моем, хотя бы я был и неправ»* (т. 14, с. 222–223). Неспроста прот. С. Н. Булгаков определяет как «основную психологическую черту» «болезнь совести» Ивана: именно эта «болезнь совести» и приводит его к «бунту». И от того, что лишний раз Иван получит обвинения в «неверии», «гордыне», обличения в том, что давно «на духу» не был, вопрос о страданиях детей не решится. И если *такие* вопросы поставлены, значит, они не могут остаться без ответа. Соглашаясь с тем, что в главе «Русский инок», а точнее, в словах старца Зосимы о виновности «всякого перед всеми за всех и за все», действительно дан ответ на вопрос Ивана, мы не можем, однако, согласиться с тем, что это вина какая-то мистическая. Категория «мистической вины» явно не «вписывается» в христианское мировоззрение. «Мистическая вина» – это карма. Вряд ли Достоевский об этом. Идея виновности «всех за вся» совершенно необязательно обоюдоострым мечом должна обращаться непосредственно к вопрошающему. И в примерах Ивана, ставших, как известно, достоянием общности (иначе как он узнал бы о них?), помимо самих злодеев, есть те, кто попустительствует злу и своей свободной волей позволяют ему совершаться.

Так, рассказ об изверге-генерале, затравившем крепостного мальчика псами, неспроста начинается картинами широкой жизни помещика: *«Ну вот живет генерал в своем поместье, в две тысячи душ, чванится, третирует мелких соседей как приживальщиков и шутов своих. Псарня с сотнями собак и чуть не сотня псарей, все в мундирах, все на конях...»* (т. 14, с. 221), – заметим, какое огромное количество людей проживает в его имении. Почти все окружение и собралось в тот «*мрачный, туманный, осенний день*», когда затравили мальчика: *«наутро чем свет выезжает генерал во всем параде на охоту, сел на коня, кругом него приживальщики, собаки, псаря, ловчие, все на конях. Вокруг собрана дворня для назидания, а впереди всех мать виновного мальчика...»* (т. 14, с. 221). С учетом указания автором на «мелких соседей», можно предположить, что эти соседи, то есть такие же помещики, только победнее, там тоже присутствовали, и мальчик был затравлен на их глазах. Тот момент, когда генерал крикнул «Ату его» и «псы растерзали ребенка в клочки», наблюдали десятки человек. Возникает закономерный вопрос: смог бы генерал осуществить свой замысел, если бы хоть кто-либо из дворни, псарей, соседей и (или) приживальщиков помешал бы ему, попытавшись спасти мальчика? Выведа за скобки крепостных (впрочем, проявления своей воли для них тоже были нередки, хотя и дорого обходились),

нельзя не обратить внимание на приживальщиков (или соседей, или и тех и других), то есть дворян, вполне возможно, слышавших от своих отцов, подобно Петруше Гриневу, наставления «береги честь смолоду». И вот эти люди побоялись генерала и не воспрепятствовали ему в его зверстве. «Моя хата с краю» – позиция приживальщиков, боящихся потерять кусок генеральского хлеба или даже просто его расположение (пусть сдобренные насмешками и издевками: сказано же, что генерал третирует соседей как приживальщиков и шутов). И здесь мы видим конкретных, а не абстрактных адресатов слов старца Зосимы: «каждый единый из нас виновен за всех и за вся». Каждый виноват (и не мистически, а вполне реально) за то зло, свидетелем которого он стал, но не воспрепятствовал ему. Эта история, рассказанная Иваном, наиболее масштабна, и потому идея виновности «всех за вся» здесь прослеживается очевиднее всего. Иные истории об истязаниях детей тоже происходили не в «безвоздушном пространстве», и в деле Кроненберга, которое легло в основу рассказа Ивана об истязаемой отцом девочке, как известно, тоже достаточно было «приживальщиков», одним из которых оказался известный адвокат Спасович (см. об этом, напр.: [Ветловская, 2007, с. 491]).

Говоря о поучениях старца Зосимы как об «идейном» ответе Ивану, нельзя не вспомнить и о его проповеди «деятельной любви» (совет госпоже Хохлаковой «опытом деятельной любви» избавиться от неверия), и о об ответе его на теорию «заедающей среды», противником которой, как известно, был Достоевский. *«И да не смущает вас грех людей в вашем делании, не бойтесь, что запрет он дело ваше и не даст ему совершиться, не говорите: “Силен грех, сильно нечестие, сильна среда скверная, а мы одиноки и бессильны, запрет нас скверная среда и не даст совершиться благому деланию”. Бегите, дети, сего уныния! Одно тут спасение себе: возьми себя и сделай себя же ответчиком за весь грех людской»* (т. 14, с. 290), – призывает Зосима, и очевидно, что его призыв «к деланию» распространяется и на добрые дела, и на сопротивление злу (*«не говорите: <...> сильна среда скверная»*), а не только на личное покаяние. Таким образом, в данном контексте мы еще явственнее видим позицию старца: потому каждый виновен «за всех и за вся», что он *пускает* совершаться злу вокруг него, он проживает свою жизнь, подобно соседям генерала и приживальщикам, на глазах которых жестоко убивают мальчика, а они *ничего не делают*. Вот это *ничегонеделание*, толстовское непротивление злу – и есть вина каждого.

Показательно, что образ приживальщика не уходит со страниц романа с Ивановым рассказом о затравленном собаками мальчике, а возвращается – притом к Ивану же – в главе «Черт. Кошмар Ивана Федоровича», когда к нему является «джентльмен», принадлежащий «к разряду бывших белоручек-помещиков <...>, обратившийся вроде как бы в приживальщика» (т. 15, с. 70–71). В кратком описании портрета черта он назван приживальщиком трижды, и очевидно, что это неспроста. Достоевский обращает внимание на «уживчивый, складный характер» гостя Ивана, явно сходный с характером приживальщиков генерала. *«Гость ждал и именно сидел как приживальщик, только что сошедший сверху, из отведенной ему комнаты вниз к чаю составить хозяину компанию,*

но смиренно молчавший ввиду того, что хозяин занят и об чем-то нахмуренно думает; готовый, однако, ко всякому любезному разговору, только лишь хозяин начнет его» (т. 15, с. 71), – описание, весьма характерное для лица, занимающего позицию «моя хата с краю». Именно так должны были выглядеть и вести себя приживальщики генерала, и мы видим, кто «автор» такого рода позиции.

Итак, ответ Ивану в словах старца Зосимы есть, но он не в том, что именно Иван «сам виноват», а в том, что «все виноваты», все, кто, видя зло, не препятствует ему совершаться, все, кто, забыв про «честь смолоду», предпочел «не высовываться», чтобы получить весьма сомнительную «генеральскую милость». М. М. Дунаев, объясняя детские страдания то ли «порочностью отцов», то ли еще каким-то «законом вечности», тем не менее далек от смиренного принятия этого зла. «Тут-то грехом как раз становится равнодушие к чужому страданию» [Дунаев, 2002, с. 653], – справедливо отмечает ученый.

Остаются вопросы о смысле, «целесообразности» (если можно так выразиться, а Иван именно так и ставит вопрос: «*для чего* (выделено нами. – Т.К.) *они-то тоже попали в материал...*») детских страданий и о прощении мучителей: «*Не хочу я, наконец, чтобы мать обнималась с мучителем, растерзавшим ее сына псами! Не смеет она прощать ему!*» (т. 14, с. 223). Важно отметить, что теория «унавоживания» детскими страданиями будущей гармонии («...*попали в материал и унавожили собою для кого-то будущую гармонию*») выдумана самим Иваном. Небесное Царство («гармония») дается человеку даром, и никакими «слезинками» и страданиями за нее «платить» и «унавоживать» ее не нужно. Недаром Алеша в ответ на монолог Ивана говорит ему о жертве Христа: «*Брат, <...> ты сказал сейчас: есть ли во всем мире существо, которое могло бы и имело право простить? Но существо это есть, и оно может все простить, и всех, и вся, и за все, потому что само отдало неповинную кровь свою за всех и все. Ты забыл о Нем, а на Нем-то созиждется здание, и это Ему воскликнут: “Прав Ты, Господи, ибо открылись пути Твои”*» (т. 14, с. 224). Алеша напоминает об уже совершившейся искупительной жертве Христа, не требующей никакого «дополнения» невинными страданиями в качестве «платы за вход» в Небесное Царство, и, кстати, опровергает мысль Ивана, сквозной нитью проходящей через его монолог, о будто бы равнодушии Бога к погрязшему во зле человечеству.

Здесь, к счастью, большинство исследователей единодушны в том, что никакого «смысла» в страданиях невинных нет – это зло в чистом виде: «Безвинное страдание ничем не может быть оправдано» [Туган-Барановский, 1990, с. 140]; «здесь оно (страдание. – Т.К.) невозможно и неоправданно» [Казаков, 2007, с. 183]. Неправ Иван и в том, что мать, по его теории, во имя будущей «гармонии», должна обняться с мучителем, растерзавшим ее сына псами. Иван спорит сам с собой: «*Если хочет, пусть простит за себя, пусть простит мучителю материнское безмерное страдание свое; но страдания своего растерзанного ребенка она не имеет права простить, не смеет простить мучителя, хотя бы сам ребенок простил их ему!*» (т. 14, с. 223). Согласно христианской сотериологии (сотериология – учение о спасении. – Т.К.) перед матерью не ставится каких-

либо «условий» прощать мучителя, да еще и прощать как бы от имени ребенка, как считает Иван. Как мы помним, Христос из двух разбойников простил лишь раскаявшегося со словами «Ныне будешь со мною в раю», участь же другого разбойника осталась печальной, и никто «принудительно» не обнимался с ним. Христианин, вольный прощать *свои* обиды, подставлять *свою* щеку и благословлять проклинаящих, тем не менее не может подставлять *чужих* щек и прощать «за другого». В дополнение к словам старца Зосимы о виновности «всех за вся» нельзя не вспомнить евангельской мысли о борьбе со злом: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:13), которая тоже является ответом на вопрос Ивана – в случае, если зло касается *другого*, непотворение ему будет сродни преступлению. Именно «деятельная любовь» (по словам Зосимы) способна противостоять злу, и отсутствие деятельной любви, равнодушие – и есть вина человека на земле (вина «всех за вся») за ежечасно совершающееся зло – эта мысль проходит через весь роман Достоевского. «Моя хата с краю», «непотворение злу» – девиз соседей-приживальщиков, внушенный им чертом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Булгаков, С. Н., прот. Иван Карамазов (в романе Достоевского “Братья Карамазовы”) как философский тип: Публичная лекция: Чит. в Киеве 21 нояб. 1901 г. / С. Н. Булгаков. – Москва: типо-лит. И. Н. Кушнерев и К°, 1902. – 38 с. / Библиотека «Вехи». – URL: С. Н. Булгаков. Иван Карамазов как философский тип (vehi.net). (18.08.2021).

Ветловская, В. Е. Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» / В. Е. Ветловская. – Санкт-Петербург: изд-во «Пушкинский Дом», 2007. – 640 с.

Дунаев, М. М. Православие и русская литература: в 6 ч. Ч. III. Изд. 2-е, испр. и доп. / М. М. Дунаев. – Москва: Храм св. мч. Татианы при МГУ, 2002. – 768 с.

Казаков, А. А. Тема страдания невинных / А. А. Казаков // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения / Под ред. Т. А. Касаткиной; ин-т мировой лит. им. А. М. Горького РАН. – Москва: Наука, 2007. – С. 180–186.

Касаткина, Т. А. Теодицея от Ивана Карамазова / Т. А. Касаткина // Характерология Достоевского. Типология эмоционально-ценностных ориентаций. – Москва: Наследие, 1996. – С. 293–308.

Лосский, Н. О. Бог и мировое зло / Н. О. Лосский. – Москва: Республика, 1994. – 436 с.

Переверзев, В., прот. Бунт Ивана Карамазова (оправдание Бога и мира в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы») // В. Переверзев // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения / Под ред. Т. А. Касаткиной; ин-т мировой лит. им. А. М. Горького РАН. – Москва: Наука, 2007. – С. 161–179.

Попович, Иустин, св. прп. Философия и религия Ф. М. Достоевского / Иустин Попович. – Минск: Издатель Д. В. Харченко, 2008. – 312 с.

Туган-Барановский, М. И. Нравственное мировоззрение Достоевского / М. И. Туган-Барановский // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов. – Москва: Книга, 1990. – С. 128–142.

Чжан, Б. Образы детей в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» и их роль в создании картины мира с точки зрения «реализма в высшем смысле» / Б. Чжан // Достоевский и мировая культура. – № 25. – Москва, 2009. – С. 227–246.

REFERENCES

Bulgakov, S. N., prot. Ivan Karamazov (v romane Dostoevskogo “Brat’ya Karamazovy”) kak filosofskij tip: Publichnaya lekciya: CHit. v Kieve 21 noyab. 1901 g. / S. N. Bulgakov. – Moskva: tipo-lit. I. N. Kushnerev i K^o, 1902. – 38 s. / Biblioteka «Vekhi». – URL: S. N. Bulgakov. Ivan Karamazov kak filosofskij tip (vehi.net). (18.08.2021).

Chzhan, B. Obrazy detej v romane F. M. Dostoevskogo «Brat’ya Karamazovy» i ih rol’ v sozdanii kartiny mira s tochki zreniya «realizma v vysshem smysle» / B. CHzhan // Dostoevskij i mirovaya kul’tura. – № 25. – Moskva, 2009. – S. 227–246.

Dunaev, M. M. Pravoslavie i russkaya literatura: v 6 ch. CH. III. Izd. 2-e, ispr. i dop. / M. M. Dunaev. – Moskva: Hram sv. mch. Tatianny pri MGU, 2002. – 768 s.

Kasatkina, T. A. Teodiceya ot Ivana Karamazova / T. A. Kasatkina // Harakterologiya Dostoevskogo. Tipologiya emocional’no-cennostnyh orientacij. – Moskva: Nasledie, 1996. – S. 293–308.

Kazakov, A. A. Tema stradaniya nevinnyh / A. A. Kazakov // Roman F. M. Dostoevskogo «Brat’ya Karamazovy»: sovremennoe sostoyanie izucheniya / Pod red. T. A. Kasatkinov; in-t mirovoj lit. im. A. M. Gor’kogo RAN. – Moskva: Nauka, 2007. – S. 180–186.

Losskij, N. O. Bog i mirovoe zlo / N. O. Losskij. – Moskva: Respublika, 1994. – 436 s.

Pereverzev, V., prot. Bunt Ivana Karamazova (opravdanie Boga i mira v romane F. M. Dostoevskogo «Brat’ya Karamazovy») // V. Pereverzev // Roman F. M. Dostoevskogo «Brat’ya Karamazovy»: sovremennoe sostoyanie izucheniya / Pod red. T. A. Kasatkinov; in-t mirovoj lit. im. A. M. Gor’kogo RAN. – Moskva: Nauka, 2007. – S. 161–179.

Popovich, Iustin, sv. prp. Filosofiya i religiya F. M. Dostoevskogo / Iustin Popovich. – Minsk: Izdatel’ D. V. Harchenko, 2008. – 312 s.

Tugan-Baranovskij, M. I. Nравstvennoe mirovozzrenie Dostoevskogo / M. I. Tugan-Baranovskij // O Dostoevskom. Tvorchestvo Dostoevskogo v russkoj mysli 1881–1931 godov. – Moskva: Kniga, 1990. – S. 128–142.

Vetlovskaya, V. E. Roman F. M. Dostoevskogo «Brat’ya Karamazovy» / V. E. Vetlovskaya. – Sankt-Peterburg: izd-vo «Pushkinskij Dom», 2007. – 640 s.